

Б И Б Л И О Т Е К А

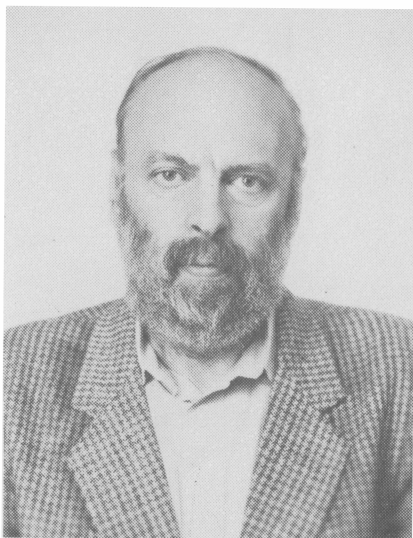
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 48

1988

Владимир КОРНИЛОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

МУЗЫКА ДЛЯ СЕБЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 48

Владимир КОРНИЛОВ

МУЗЫКА
ДЛЯ СЕБЯ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988 г.

Владимир КОРНИЛОВ

Владимир Николаевич Корнилов родился в 1928 году в городе Днепрпетровске. В 1950 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1950 по 1954 г. служил в Советской Армии солдатом, курсантом, офицером. Печататься начал в 1951 г. в армейской газете. С середины 50-х годов много публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Москва», «Молодая гвардия», «Смена». Выпустил две книги стихов — «Пристань» (1964 г. «Советский писатель») и «Возраст» (1967 г. «Советский писатель»).

Но вскоре В. Корнилова перестали публиковать, и вновь его стихи увидели свет лишь в конце 1986 года в журнале «Знамя». С тех пор его стихотворные подборки появлялись в «Новом мире», «Знамени», «Огоньке», «Дружбе народов», «Сельской молодежи», «Юности», «Неделе», «Горизонте».

«Музыка для себя» — первый после двадцатилетнего перерыва сборник В. Корнилова; он составлен из стихов, написанных в разное время, но опубликованных в последние годы.

НАДЕЖДА

Раньше, прежде,
На днях почти,
Стал бы нешто
Искать пути?

Есть дорога,
Нет — наплевать!
Безнадега,
Как благодать!

Прочь, заботы!
Жми, брат Авось!
Для работы
И жизнь — навоз.

...Что же случилось
Со мной на днях?
Может, старость,
А с нею — страх?

Как от сглазу,
Утих весь пыл:
Стал я сразу
Другим, чем был.

Безутешно
Прошу, как грош:
Мне надежду
Вынь да положи!

Дай, как воздух,
Как воду, дай.
Дай не вдосталь,
Дай не на даль —

Хоть немного
Уже брести,
Безнадегу
Мне не снести.

Гр. Бакланову

ТРОФЕЙНЫЙ ФИЛЬМ

Что за бред? Неужели помню четко
Сорок лет этот голос и чечетку?
Мочи нет — страх опять ползет в середку,
Я от страха давнего продрог.
До тоски, до отчаянья, до крика
Не желаю назад и на полмига!
Не пляши, не ори, молчи, Марика!
Ну прошу: заткнись, Марика Рокк!

Провались, всех святых и бога ради!
Нагляделся сполна в своей досаде
На роскошные ядра, плечи, стати
Со своей безгрешной высоты.
Ты поешь, ты чечетничаешь бодро.
Дрожь идет по подросткам и по одрам,
Длиннонога, стервоза, крутобедра,
Но не девушка моей мечты.

Не заманивай в юность — эту пору
Не терплю безо всякого разбору,
Вся она мне ни по сердцу, ни впору,
Костью в горле стала поперек...
Там на всех на углах в усах иконы,
В городах, в деревнях тайги законы,
И молчат в серых ватниках колонны,
Но зато поет Марика Рокк.

Крутит задом и бюстом иноземка,
Крупнотела, дебела, хоть не немка —
Вожделение рейха и застенка —
Почему у нас в цене она?
Или то, что с экрана нам пропела,

Было впрямь восполнением пробела?
Или вправду устала, приболела
Раздавившая врага страна?

Ты одно мне по нраву, наше время,
Для тебя мне не жаль ни сил, ни рвенья,
Только дай мне еще раз уверенья,
Что обратных не найдешь дорог.
Ты пойми: возвращаться неохота
В дальний год, где ни проблеска восхода,
В темный зал, где одна дана свобода —
Зреть раздетую Марику Рокк.

СЛЕПЕЦ

Что такое родина —
Город или дом?
Много понастроено
В городе моем.

Здесь не встретишь бедного
Странного слепца —
Офицера белого,
Красного спеца.

Он, понутив голову,
У Днепра сидел.
Сизый с полуголоду,
Горбился, сивел.

Были экскаваторы,
Пятилетка шла.
Он свое выкладывал,
Детство мне круша.

...Вот состарюсь. Начисто
Зренье изведу
И вместо старости
Смелость обрету.

Обопрусь на палочку,
Покорюсь судьбе,
Возле дома лавочку
Приищу себе.

Наскребу с три короба
Истины крутой.
Племя незнакомое,
Посиди со мной.

Родина — не родина,
А одно жилье,
Если захоронено
Слово про нее.

Но не все потеряно,
Если сели днем
На скамье под деревом
Слепенький с дитем.

СОБАКА ПОДЛЕЦА

В поселке под Москвою,
Где дачам нет конца,
Заходится от вою
Собака подлеца.

Ей не уgomониться,
Не ест она, не спит:
Подлец лежит в больнице,
Кондратием разбит.

Не мелкий бес, а дьявол!
В лихие времена
Кровавый бал он правил,
Как полный сатана...

Все так... А вот, однако,
Не знаю почему,
Несчастная собака
Тоскует по нему.

Какою мерой мерить
Судьбу и суть свою?
И почему не верить
Безгрешному зверью?

И что мы, в общем, значим?
Мне черт-те сколько лет —

Ни дачи, ни удачи,
Собаки даже нет.

А вроде жил не праздну,
Не знал без строчки дня,
И не подлец, а разве
Любили так меня?

...Пес лает до упаду —
Хоть кайся, хоть реви,
Хоть сочини балладу
О странностях любви.

ПОГОДИНКА

На старой улице Погодинке
Во имя мира и добра
Собачий лай трясет питомники
С полуночи и до утра.

По тихой медицинской улице
Осенней полночью бреду
И слышу: узники и узницы
Опять почуяли беду.

Их лай то явственной, то глуше —
И вот уж, черт его дери! —
Не разбираешь: он снаружи,
А, может, и во мне, внутри...

И постигая боль собачью,
Я словно сам в стальном лесу
Истошно лаю, горько плачу
И клетку истою грызу.

Не сыщешь доводов для сердца,
Ему неведомо досель,
Что незачем глядеть на средства,
Когда так благородна цель.

Но как беспомощно и сиро
Вдруг станет — отвлечешься чуть —
И все несовершенство мира
Обстанет, и не продыхнуть...

ВЯЗАЛЬЩИЦА

Кто она — черту известно.
Взор из-под челки сердит.
Вечно напротив подъезда
С вечной работой сидит.

Выйду — посмотрит подробно,
Строчку заполнит крючком,
И отчего-то под ребра
Вновь саданет холодком.

Бред?
Несусветная дикость?
Полный в мозгу кавардак?..
Что ж мне мерещится Диккенс —
«Повесть о двух городах»?

(В Сент-Антуанском предместье
Тоже плела приговор,
Тоже вязала из шерсти
Сводки на сотни голов.

Злобной волчицей рычала —
Сгнула, точно овца..
Кто подстрекает начало,
Плачет еще до конца.)

Так что с вязаньем помедли,
Яростный взгляд опусти
И погребальные петли
Ради себя распусти.

Вяжет..
А жизнь по привычке
Ладит нехитрый уют:
Мимо бегут электрички,
Дети и птицы поют.

И о районе не скажешь,
Будто похож на Париж..
Что ж ты все вяжешь и вяжешь,
Что исподлобья глядишь?

ШАХМАТЫ И КИНО

Пешки и короли...
Залы, где днем темно...
Жизнь мою извели
Шахматы и кино.

Что меня к ним влекло?
Черта я в них нашел?
Шахматы и кино
Были заместо шор.

Пешки и короли,
С молодости маня,
Зорко подстерегли,
Взяли, как западня.

Каждый киносеанс
Был как уход в ничто,
Был как забыться шанс
Сразу минут на сто...

Шахматы и кино —
Скучное бытие...
Лучше бы уж вино,
Лучше бы уж бабье...

Все-таки те грехи
Тем хороши хотя б,
Что за грехи — стихи
Душу вовсю когтят...

Но мне прожить в стихах
Было не суждено:
Гнал меня хлипкий страх
К шахматам и кино.

...Шахматы и кино —
И пустота в душе...
Так-то. И никого
Не удивить уже.

ТАРУСА

Татары кричали:
— Там руса!..—
С тех пор и легенда крепка,
Что будто отсюда Таруса
Пошла — городок и река.

Здесь великолепны ландшафты
И многие селятся тут,
С охотой оставили шахты,
Теперь на приволье живут.

Казалось бы, крохотный город,
А словно за речкой Орда,
Сегодня раздором расколот,
Хоть вовсе не ездят сюда.

Такое в Тарусе смешенье
Решений, умов и идей,
Прожектов, советов и мнений,
Что нищ Вавилон перед ней.

...Иные умаются скоро
И прочь от осин и полян,
И прочь от раздора и спора
Наладятся за океан.

Другие, невзгоду осия,
Обугленным духом тверды,
Ждать будут явления России,
Какая была до Орды.

И что-то придумают третьи,
Четвертые — тут же их в дым!..—
И пятые веско ответят
Шестым, и седьмым, и восьмым.

...Кто хочет — лови на наживку,
Кто может — давай на блесну!..
Я тоже долбаю машинку,
Но вряд ли кого соблазню.

И вару хватает и жару,
И тоже меня б занесло,
Да только решать за державу
Совсем не мое ремесло.

В остатке двадцатого века,
Где на миллиарды расчет,
Отдельная жизнь человека
Едва ли кого привлечет.

...Татары кричали:
— Там руса!.. —
И стоек легенды угар.
Но помню со школы: Таруса
Стояла еще до татар.

Еще не нагрянули гости,
А кто-нибудь в мирном году
Корябал свое на бересте:
«Жить горько и нелегко...»

В ПРАЧЕЧНОЙ

Бросила жена? Ее
Бросил сам? Сменил жилье?
...Гладили вдвоем белье
С ним в стекляшке.
Он балдел — заметил я —
От шумевшего бабья
И от вороха белья,
И от глажки.

А по виду был ходок,
Но совсем не холодок —
То ли страх, то ли упрек
Был во взгляде.
Может, чудилось ему:
Я, старик, его пойму.
Объяснить мне, что к чему
Будет кстати.

На подобный разговор
Я его бы расколол.

Прежде был и спор и скор
На знакомства:
Две рюкзаки или три
Пропустили — говори.
А теперь скребет внутри
Скорбь изгойства.

Несуразная судьба —
Эмиграция в себя;
Словно начисто тебя
Съела фронда.
Вроде ты живой и весь
И душой и телом здесь,
А, сдается, что исчез
С горизонта.

Потому теперь и впредь
Не к чему ломать комедь.
И не стал я пить с ним — ведь
Мы б не спелись.
После полусотни грамм
Он, растерян и упрям,
Выдохнул бы: «Пошел к ерам,
Отщепенец...»

Так что про житье-бытье
Мы молчали, а белье
Расстилали, как бабье,
На гладилке.
Потому и обошлось
Без мужских горячих слез,
Без сочувствий, без угроз.
Без бутылки.

ЯБЛОКИ

Бедный дичок загорчил, как досада.
Белый налив до сих пор сахарист...
Яблоки из монастырского сада,
Что же я раньше не рвал вас, не грыз?

Или шатался не больно идейно
По лесостепи, лесам и степи,
И, как назло, попадались отдельно
Либо сады, либо монастыри?

Вот отчего так смущенно и дерзко,
Словно во сне еще — не наяву,
В прежней обители Борисоглебской
Эти ничейные яблоки рву.

...Яблоки из монастырского сада,
Я не найду вам достойной хвалы,
Вы словно гости из рая и ада,
Словно бы средневековья послы.

Вас прививала лихая година,
И, хоть была невпродых тяжела,
Память о ней и горька, и сладима,
И через вас до сегодня жива.

Вот и сегодня в Историю живу
Вновь я уверовал благодаря
Этим бесхозным дичку и наливу
Борисоглебского монастыря.

ЧТЕНИЕ

Он все еще кочует,
Под звездами ночует,
Бичует и врачует,
И чует,
Что линчуют.

И никуда не скрыться...
Еще одна страница,
Еще одна девица
Стремится
Исцелиться...

Мне все давно известно,
Я знаю день и место,
Но все ж надеюсь честно
На исправленья текста.

...Но нет!..
Созрели козни
И бревна в гору тащат...
Не надо мне про гвозди...
Глаголь, второй рассказчик!

...И вновь калечных лечит,
Талдычит, бисер мечет...
«А вдруг не изувечат?» —
Надеюсь целый вечер.

...И вот, пока, кочуя,
Он жить велит по-птичьи,
Я пропущу про чуда,
Зато запомню притчи...

Зачем престол небесный
И ангельская свора,
Когда была в нем бездна
Таланта и простора?!

Была в нем прорва чувства.
...И мне, ей богу, грустно,
Не веруя в Иисуса,
Так веровать в искусство.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Подкидыш никудышных муз
И прочей нуди,
Я скукой день-деньской томлюсь
В Литинституте.

И замыслов невоворот,
И строчек вздорных.
А за окном асфальт метет
Упорный дворник.

Сутулый, тощий, испитой,
Угрюм он, болен.
Но шут с ним и с его бедой —
Я дурью полон.

...Когда бы знать, что он лишен
Других доходов,
Что от журналов отлучен
Отцом народов,

С того и проза тех времен
Вдруг стала тусклой...
Зато просторный двор метен
Литинститутский.

...Всю жизнь гляделся я в себя,
А в ближних — мало,
И все равно его судьба
Меня достала.

Такой или сякой поэт,
Я, кроме смеха,
На склоне века, склоне лет —
Уборщик снега.

Кого от нашего житья
Возьмут завидки?
Он от чахотки сник, а я —
От щитовидки.

...Тащу отверженность, не гнусь,
Не бью поклонов,
Но перед вами повинюсь,
Андрей Платонов!

И сорок лет спуска молю:
В своем зените:
Простите молодость мою,
За все простите —

За спесь и черствость, и сполна
Еще за скуку,
С какой глядел я из окна
На вашу муку.

ЩИТОВИДКА

Я считал себя гордым, стойким,
Неудачам глядел в глаза.
Врач сказал:
— Нету вас — есть только
Щитовидная железа.

Все метания и мытарства,
И рифмованное нытье,
На которое вы горазды,
Не от вас они — от нее.

Я-то думал:
Томленье духа,
Вера, совесть и стыд, и честь...
Оказалось — лишь род недуга,
Интенсивный обмен веществ.

Никакого переизбытка
Благородных и высших чувств,
Лишь ничтожная цитовидка
Барахлит —
и теперь лечусь.

Все от химии —
не от бога —
И земля, и вода, и снедь,
И свобода, и несвобода,
И, наверное, даже — смерть.

Вот и загнан, как мерин в мыле,
Вопрошаю в свои полста:
— Я венец творения
или
Нуклеиновая кислота?!

ЖЕНЩИНЫ

Мужчины себя потеряли,
Но в женщинах крепче заряд:
Невестами и матерями
За нас, как деревни, стоят.

Мужчины себя уронили,
На то была бездна причин.
А женщины — те и доньне
Рожают и нежат мужчин.

Давно вся надежда и вера
На них, нешироких в кости;
До лучшего времени века
Надеются нас донести.

И носят, рожают и нянчат,
Как корни, из тьмы гонят ввысь,
И скорбно по-бабьему плачут,
Что помыслы их не сбылись.

ПОЛЬЗА ВПЕЧАТЛЕНИЙ

С лихвою дождя и снега,
Приперченного тоской,
В неполные четверть века
Изведала ты со мной.

Но, может, не вовсе втуне
Иные года пройдут?
Припомни, как мы в Батуми
Удрали из Гудаут.

Припомни базар горластый,
Что смахивал на бедлам.
Какие творили яства
По разным его углам!

И жаренье на шампуре,
И много чего еще,
И хаши, и хачапури,
И лобио, и харчо.

...А помнишь, и в Ереване
Был рынок совсем не слаб,
И мы с тобой пировали,
В лаваш завернув кебаб.

И мы с тобой колесили,
Аж ветер гудел в ушах!
С утра мы в Эчмиадзине,
А в полдень мчим в Арташат.

В Гегарде, и в Аштараке,
И сплошь по дороге всей,
Неверующие бедняги,
Шалели мы от церквей.

В Армении нету моря,
Армения на горах.

От моря — стране на горе —
Христа отогнал аллах.

С того-то так щедро храмы
Росли на отрогах гор
И хоть не лечили раны,
Зато просветляли взор.

...Дорожные впечатления —
Базарный пейзаж и та
Высокого назначения
Суровая красота —

Снегам вопреки и ливням,
Гудящим и день и ночь,
Наверное, помогли нам
Немалое превозмочь.

АЭРОДРОМЫ

Тянулось не год, не года —
Поболее десятилетия,
И ярко светили тогда
Огни-миражи Шереметьева.

А мы не глядели, и бед
С обидами не подытожили,
И вынесли вес этих лет,
И выжили, дожили, ожили.

И помнили только одно:
Что нет ни второго, ни третьего,
Что только такое дано,
И нет за Москвой Шереметьева,

А лишь незабудки в росе,
И рельсы в предутреннем инее,
И синие лес и шоссе,
И местные авиалинии.

СВОБОДА

Не готов я к свободе —
По своей ли вине?

Ведь свободы в заводе
Не бывало при мне.

Никакой мой прапрадед
И ни прадед, ни дед
Не молил христа ради:
«Дай, подай!», видел: нет.

Что такое свобода?
Это кладезь утех?
Или это забота
О себе после всех?

Счастье или несчастье,
Сбросив зависть и спесь,
Распахнуть душу настежь,
А в чужую не лезть?

Океаны тут пота,
Гималаи труда!
Да она ж несвободы
Тяжелее куда.

Я ведь ждал ее тоже
Столько долгих годов,
Ждал до боли, до дрожи,
А пришла — не готов.

ЭСТАКАДА

Я иду по эстакаде —
Эстакада хороша!
Но душа опять в досаде:
За душою ни гроша.

А на эстакаде снегу,
Как на кладбище в селе...
И несладко человеку,
Если сам он по себе.

Я иду, замерзши зверски,
Чем-то родственный зверью,
И поскольку больше не с кем,
С эстакадой говорю:

«Лихо ты своё сказала —
Хоть в бетоне, а легка,
Аж до Рижского вокзала
От Сокольников легла!

Перехватывает горло,
Чуть начну про это речь:
Каждому бы так просторно
На сердце навечно лечь!..»

Стих не жалобная книга,
А полундра и аврал!..
Но для праведного крика
Маловато я набрал.

И несую свою бодягу
Никому ни ко двору,
И не ведаю, где лягу,
Если все-таки помру.

А. Лазареву

ВОЕННЫЙ ОРКЕСТР

На площади на Маяковской
Гремят барабаны и медь.
С охотою не стариковской
В толпу затесался смотреть.

Во всю батальонную силу
Играет оркестр духовой,
Как вырыли немцу могилу
В суровых полях под Москвой.

И холодом бьет по подошвам
Знакомая звонкая дрожь,
И помню, что все это в прошлом,
В сверхпрошлом, а всё-таки, все ж...

И с мукою давней и тайной,
И с полупонятной тоской
Гляжу, как, свернув с Триумфальной,
Идет батальон по Тверской...

Пошли косяком годовщины,
А жизни остался лоскут;
И вроде совсем без причины
Последние слезы текут.

ЛЕТО

Ну и стояло пекло!
Ну, доложу, пекло!
Тут не опишешь бегло,—
Время едва текло.

Парило и парило,
Дерзкий держался зной.
Словно планёр, парило
Лето над всей землей.

Молодо, яро, добро,
Жадно земля жила.
И неправдоподобно
Я умолял:
— Жара,
Надобно продержаться!
Раз уж твоя страда —
Страждь! Вдруг тебе удастся
Сразу и навсегда!

Жарь же, раскопечарь же!
Я ж тебя не продлю...
Но на декаду раньше,
Не по календарю,

Перед рассветом оземь
Хлопнулись небеса,
И потянулась осень,
Плач дождевой начался.

ЖИВОПИСЬ

Лето в городе Гороховце,
Белое и рыже-золотое,
Все в полдневной солнечной пылице,
Все помолодевшее от зноя.

Крохотный и древний городок
Возле Клязьмы прикорнул укромно,
И ему, наверно, невдомек,
Что отныне лето в нем огромно.

Как охота мне в Гороховец!
...Ошалев от зелени и света,
На холсте он уместился весь,
И в нем лето и все время — лето!

Никаких ни осеней, ни зим —
Лето — в ржави крыш и колоколен!
...Разве ж этак мы изобразим,
Нарифмуем или наглаголем?

Разве нам дана такая власть?
Разве найдено такое слово,
Чтобы краской на бумагу класть —
И тебе — пожалуйста! — готовы

Крыши, колокольни, деревца
Рыже-бело-золотого цвета,
И из города Гороховца
Никогда не исчезает лето.

ВТОРОКУРСНИЦА

Ты стихом жила сначала,
Был напор в нем и кураж,
А уж после в пальцах сжала
Скальпель, словно карандаш.

Отделяешь ткань от кости,
Добираешься до мышц.
(Уж не так ли Маяковский
Извлекал из флексий смысл?!)

Только кто-то для учебы
Как нарочно подобрал
Весь в пробелах, низкой пробы
Малогодный матерьял.

Потому для пользы дела,
Ежели другого нет,
Рад я вытрясти из тела
Свой нетронутый скелет.

...Кто о Рильке, кто о Лорке...
Но, сама с собой в ладу,

Ты торчишь в промерзлом морге
Триста с лишком дней в году.

Режешь долго и детально
Руки, ноги и т. п.
И, как двери, жизни тайны
Отворяются тебе.

Вскинувши густые брови,
От восторга ошалев,
Для народного здоровья
Всю себя не пожалев,

Ты стоишь, со мной не схожа,
У загадок бытия,
Мне опора и надежда,
Дочка младшая моя.

РАЗГОВОР

Давай поговори со мною
И не про то, что на слуху,
Давай про самое такое
Поговорим, как на духу!..

Поговори со мною, Дашка,
Без выкриков, без долгих слез,
А то тревожно мне и тяжело,
Что мы не говорим всерьез.

Поговори со мной немного
И понемногу приоткрой
Нелегкой жизни подоплеку,
Неопытной и молодой.

Себя готовя в медицину,
А значит, к зренью изнутри,
Поговори про сердцевину,
О шелухе не говори.

Поговори со мною, дочка,
Про темь души — бездонный склад,
В котором каждый — одиночка...
Про что ни с кем не говорят.

БАЛЛАДА О БУТКОВЕ

В благодатном веке
Без гроша, тишком,
Частию в телеге,
Частию пешком
В Петербург добрался
Юноша Бутков,
И ему достался
Худший из углов.
Жизнь в углах неладна,
Смрад в углах и страх.
Надобно таланта
Не пропасть в углах.

От солдатской доли
Откупившись в долг,
Стал писать в неволе,
Но велик ли толк?
Вроде достоверный
Сочинит рассказ —
«Нет, не Достоевский!..» —
Слышит всякий раз.

Не дурак, не лодырь,
Хоть не в меру пил,
Он и впрямь не Федор
Достоевский был.
У того дорога
Из углов крута:
С плаца до острога,
Дальше в рекрута...
И хотя в падучей
Сотрясалась плоть,
Но ее получше
Охранял господь.

Был Бутков напуган,
Нелюдим и зол.

Как за нитки кукол,
Прототипы вел.
Дело шло не ходко
И пришли в свой срок
С водкою чахотка,
Гошпиталь и морг.

Господи, помилуй,
Ну зачем ты дал
Юноше унылый,
Невеликий дар?
Не деля на части,
Весь бы выдал кус.
Без того несчастья
Наводнили Русь.
Дар не пайка хлеба,
Не для бедняков.
И не узрел неба
Из угла Бутков.

Маленький писатель —
Это что за червь?
Ты таких, создатель,
Наплодил зачем?
Где добыть им славы,
Мир перевернуть,
Если сердцем слабы
И таланту чуть?

РИФМА

Не владею белым стихом
Для себя, для своей работы.
Белый стих пополам с грехом
Истребляю на переводы.

Белый стих меня не берет
Ни в балладах, ни даже в песнях,
Не познал я его высот,
Не гулял в его тайных безднах.

Помню в молодости с тоской,
Ошалелый и оробелый,

Я глядел, как наставник мой
Километры гнал пены белой.

Этих тысяч двенадцать строк,
А быть может, еще поболее,
Я без рифмы жевать не мог,
Как жевать не могу без соли.

Рифма, ты ерунда, пустяк,
Ты из малостей — микромалость,
Но стиха без тебя никак,
Хоть зубри, не запоминалось.

Рифма, ты и соблазн, и сглаз,
Ты соблазном и сглазом сразу
Отравляешь лирикой нас,
И несем ее, как заразу.

Рифма, нет на тебе креста,
Ты придумана сатаною,
Но и жизнь без тебя пуста,
Хоть намучаешься с тобою.

ПАМЯТИ А. БЕКА

Помню, как хоронили Бека.
Был ноябрь,
но первые числа.
Был мороз,
но не было снега.
Было много второго смысла.

И лежал Александр Альфредыч,
Все еще не избыв печали,
И оратор был каждый сведущ,
Но, однако, они молчали

И про верстки, и про рассыпки,
Что надежнее, чем отравы,
Что погиб человек
от с ш и б к и,
Хоть онколог наплел:
от р а к а.

Все мы, усталые старики,
Все же еще не стары.

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия молодая,
Тебя еще нет почти,
Но славу тебе воздали
Не медля твои вожди;

И те, лет кому семнадцать,
Кому восемнадцать зим,
Уверены: все — эрзацы
И надо дерзать самим;

И надо смахнуть с насеста
Заевшихся стариков,
Преемственность и наследство,
И прочую смерть стихов.

Тут сразу без сиволдая
Закружится голова.
Поэзия молодая,
Наверное, ты права.

Но нынче поменьше к лире
Приставлено сторожей,
И ей одиноко в мире,
Свободнее и страшней

А душу ободрить сиру
Пред волею и бедой
Едва ли уже под силу
Поэзии молодой.

МУЗЫКА ДЛЯ СЕБЯ

Словно бы в переключке
Банджо и контрабас —
За полночь в электричке
За город мчался джаз.

Скопом на барабане,
Струнах и на трубе

Что-то свое лабали
Лабухи о себе.

Видно, нет счастья слаще,
Чувства растеребя,
Мчат по равнине спящей
С музыкой для себя!

Музыка в электричке,
Смысла в тебе — ничуть,
И потому-то трижды
Благословенна будь!

Кто ты ни есть — искусство,
Почва или судьба —
Нету в тебе паскудства,
Музыка для себя!

Только восторг свободы
Да разворот души —
И никакой заботы,
Проповеди и лжи!

...Сильно меня задела,
Ужасом осень,
Исповедь без предела,
Музыка для себя!

УТРО

Полшестого... Бормочет дождик.
Дождь неспешный, непроливной,
Переводит, как переводчик,
Слог небесный на слог земной.

Я глаза на него поднимаю,
Я спросонья внимаю ему
И такое сейчас понимаю,
Что потом никогда не пойму.

Что-то ясное, проще простого,
Понимается разом, шутя,
И пугает домашность простора
И дурашливый шепот дождя.

Тучи темные соснами пахнут,
В полумраке совсем не темно,
Словно весь я от ветра распахнут,
Как с плохим шпингалетом окно.

Это кончится через минуту,
И тогда — с этим лучшим из чувств
Распрощусь, и его позабуду,
И к нему никогда не вернусь.

Будет дождик — всего только дождик,
И туман будет просто туман,
И простор, словно голый подстрочник,
Будет требовать рифм и румян.

И начнутся пустые мытарства,
Жажда точности, той, что слепа,
Где ни воздуха и ни пространства,
Только вбитые в строчки слова.

Но покамест, на это мгновенье,
Показавшись в открытом окне,
Мирозданье, как замкнутый гений,
По случайности вверилось мне.

Нету в нем ни печали, ни гнева
И с девятого

этажа

На согласие асфальта и неба
Не нарадуется душа.

СОДЕРЖАНИЕ

Надежда	3
Трофейный фильм	4
Слепец	5
Собака подлеца	6
Погодинка	7
Вязальщица	8
Шахматы и кино	9
Таруса	10
В прачечной	11
Яблоки	12
Чтение	13
Сорок лет спустя	14
Щитовидка	15
Женщины	16
Польза впечатлений	17
Аэродромы	18
Свобода	18
Эстакада	19
Военный оркестр	20
Лето	21
Живопись	21
Второкурсница	22
Разговор	23
Баллада о Буткове	24
Рифма	25
Памяти А. Бека	26
Гитара	27
Молодая поэзия	28
Музыка для себя	28
Утро	29

Владимир Николаевич КОРНИЛОВ

МУЗЫКА ДЛЯ СЕБЯ

Стихи

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 12.09.88. Подписано к печати 4.11.88. А 10418. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Учетно-изд. л. 1,48. Тираж 150 000 экз. Зак. № 3072. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Уважаемые товарищи!

● Предлагаем вашему вниманию новый вид страхования — страхование детей от несчастных случаев.

● Заключить договор могут родители, бабушки, дедушки и другие родственники в пользу детей от 1 года до 16 лет. Срок действия договора 1 год, страховая сумма — 1000 рублей.

● Размер страхового взноса составляет 2 рубля при возрасте ребенка от 1 года до 7 лет, 2 руб. 60 коп. — от 7 до 12 лет, 3 рубля — от 12 до 16 лет.

● Госстрах выплатит страховую сумму или часть ее в случае стойкого расстройства здоровья ребенка в результате несчастного случая.

● Подробно ознакомиться с условиями страхования и заключить договор можно у обслуживающего вас страхового агента или в инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР